

ДИСКУССИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК ПРЕДМЕТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (комментарии к статье А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова “Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия”)

© 2012 г. А. Б. Орлов

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности
факультета психологии НИУ ВШЭ, Москва*

Рассогласованность, схизис фундаментальной психологии и психологической практики как одно из важнейших проявлений кризиса психологии – давняя и неизменная тема для отечественных теоретиков и методологов психологической науки. Данная проблема возникает в мировой психологии как следствие инициации *психопрактического* проекта (З. Фрейд), возникшего в конце XIX века фактически одновременно с экспериментальным (В. Вундт) и психогностическим (Ф. Гальтон) проектами. Начиная с этого времени, психологическая наука утрачивает былую целостность спекулятивной дисциплины, начинает иметь дело не только с человеком как таковым, но и с испытуемым, респондентом (диагностируемым) и пациентом (клиентом).

Судьба этих трех научных проектов оказалась, однако, различной. Экспериментальный и психогностический проекты (прежде всего, в силу своей изначальной аналитичной, индуктивной, естественно-научной методологии) достаточно быстро были интегрированы в основной корпус психологического знания, став составляющими современного психологического мейнстрима. Психопрактический проект (фрейдизм, классический психоанализ и все последующие вневрачебные психотерапевтические системы в силу своей синтетичной, дедуктивной, гуманитарной парадигмы) до сих пор продолжает пребывать в некой параллельной реальности по отношению к психологической науке. Именно здесь локализован схизис между фундаментальной, или академической (теоретической, экспериментальной, диагностической) психологией и психологической практикой.

* * *

Каковы же схемы (модели) взаимосвязи фундаментальной психологии и психологической практики, предлагавшиеся в отечественной науке?

Хорошо известно, что одной из первых методологических работ по данной проблематике стало

историко-теоретическое исследование Л.С. Выготского “Исторический смысл психологического кризиса” (1927 г.) [2], *впервые опубликованное лишь в 1982 г.(!)*. В этой работе традиционную схему соотношения теории и практики (прикладной психологии, практической психологии, психотехники) в психологии (Т → П) Л.С. Выготский заменяет на прямо противоположную (П → Т): “камень, который презрели строители, стал во главу угла” [2, с. 387]. Дальнейшее развитие советской психологии, к сожалению, уже без Л.С. Выготского – “самой беспокойной фигуры в нашей психологии” [10, с. 458], породило более спокойную и как бы “диалектическую” (“с одной стороны...”, “с другой стороны...”), но на самом деле позитивистскую схему взаимодействия (Т ↔ П). Особенность данной схемы заключается в том, что само это взаимодействие предполагается как некая абстрактная идиллия: теоретическая психология предлагает практической научно выверенные знания, а последняя, в свою очередь, дает взамен их подтверждение и ставит новые вопросы. При этом считается, что обе психологии существуют как бы автономно и параллельно, участвуя во взаимовыгодном обмене. В контексте плановой экономики и ведомственной науки данная схема могла быть относительно адекватной. Однако научная жизнь в постсоветском обществе оказалась гораздо сложнее. В силу ряда обстоятельств (некоторые из которых анализируют в своей статье А.Л. Журавлев и Д.В. Ушаков [3]) не только взаимодействие, но и даже элементарная координация между элементами схемы нарушилась, сами элементы автономизировались и неизбежно пришли в состояние конфронтации. Их современное соотношение отражает, как мне представляется, такая схема: (Т vs. П).

Каковы же пути преодоления этой конфронтации? Журавлев и Ушаков отмечают два возможных решения: 1) интенсивное развитие теоретической психологии, приведение ее знания в соответствие

запросам практической психологии; 2) экстенсивное развитие теоретической психологии в плане методологии, дополнение ее естественно-научных парадигмальных оснований гуманитарными [3].

Подчеркну, что ни в коей мере не отрицаю осмысленность и возможность указанных решений и не оспариваю предложенную авторами статьи их конкретную аналитическую проработку. Вместе с тем считаю, что оба эти решения как таковые никоим образом не изменяют саму схему (Т vs. П), поскольку имеют отношение к вариантам изменения лишь одного из ее компонентов (Т), а не к характеру связи *между* ее компонентами.

Приведенные в статье примеры исследований, выполненных в Институте психологии РАН [8, 9], как раз иллюстрируют данный тезис. И цикл исследований условий ПТСР (Н.В. Тарабрина и сотр.), и цикл исследований факторов и предикторов благополучия вынашивания ребенка и психического здоровья женщины (Е.А. Сергиенко и сотр.) при всей очевидности их практических следствий(!) осуществляются *в границах* академической науки (Т). Что же касается *типа взаимодействия* Т и П, то данные исследования, к сожалению, никоим образом не видоизменяют схему (Т vs. П), поскольку иллюстрируют реальное параллельное существование исследовательской деятельности (Т) и консультационно-психотерапевтической практики (П). И сколько бы ни говорилось о том, что такое взаимодействие здесь есть (или, точнее, может быть), что теоретическая психология “выявляет общие закономерности <...> развития сложных жизненных ситуаций и <...> устанавливает детерминанты успешности их разрешения, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на которые необходимо воздействовать для повышения вероятности благоприятного исхода и т.д.” [3, с. 9], действительно содержательного и взаимозаинтересованного взаимодействия между теорией и практикой психологии не происходит, они продолжают свое изолированное и параллельное существование. Более того, данная ситуация совершенно не зависит от того, какие типы научного знания, модели функционирования психического (локальные или глобальные) и методологические парадигмы (экспериментальную или конструктивистскую) использует теоретическая психология, поскольку тип ее существования как таковой не влияет на общую схему *взаимодействия* теории и практики.

Эта схема остается неизменной и при попытке рассмотрения влияния практики на теоретическую науку. Подобно тому, как в действительности теория *не* снабжает практиков знаниями, практика *не* обогащает теорию. Если бы желаемое взаимодействие действительно существовало, не

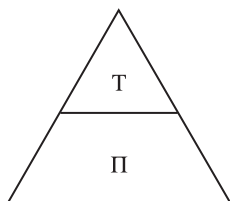
было бы самого предмета обсуждения, не было бы проблемы. А она есть. И ее существование не может быть преодолено ни за счет комплексного подхода к человеку психологов-практиков, ни за счет теоретической “возгонки” самой психологической (консультационной, психотерапевтической) практики как таковой. Причина такого фиаско вновь заключается в том, что все предлагаемые изменения затрагивают только один из компонентов схемы (теперь П), но ничего не меняют в самой схеме *взаимодействия* теории и практики.

Неучет данного обстоятельства позволяет авторам в конечном итоге сделать спорный вывод о том, что “разрыв <...> фундаментальной психологической науки и практики не стоит абсолютизировать” [3, с. 12]. Начав с утверждения проблемы во взаимоотношениях современной теоретической и практической психологии, авторы приходят к прямо противоположному заключению: оказывается, такой проблемы нет (есть лишь некоторые временные трудности, которые попросту исчезнут по мере прогрессивного развития как теории, так и практики, сближение которых в будущем неизбежно).

Я так не думаю. Проблема есть, и сама собой она не разрешится. При автономном, параллельном развитии теории и практики, которое все более отягощается элементами конфронтации и взаимного обесценивания, решения данной проблемы просто нет. Нужна новая схема их взаимодействия. Представляется, что поиск такого рода схемы необходимо начать с возвращения к решению, предложенному Л.С. Выготским: практика, практическая психология, психотехника – основополагающий, фундаментальный, краеугольный камень для теоретической психологии. Эта часть схемы, предложенная Л.С. Выготским, представляется мне верной. Я не согласен с другой ее частью, где говорится, что практика становится демиургом в отношении теории, а сама традиционная схема лишь переворачивается, заменяется прямо противоположной: $T \rightarrow P \rightarrow P \rightarrow T$. В таком случае происходит всего лишь “рокировка” элементов схемы. Вместе с тем совершенно очевидно, что понимание практики как основания (фундамента) теории вовсе не обязательно предполагает, что практика становится “ведущей и направляющей силой” по отношению к теории. Гораздо более адекватным является понимание практики в качестве *предмета* теоретической (фундаментальной, академической) психологии. Именно предмет изучения составляет действительный фундамент любой науки.

Такую схему взаимодействия теории и практики в психологии можно изобразить следующим

образом (где треугольник – психология, т – теория психологии, п – практика/предмет психологии):

Это уже не схема доминирования одного из элементов взаимодействия над другим, взаимодействия между ними или их автономного и параллельного существования. Эти элементы оказываются частями одного целого – психологии, в структуре которой теория выступает в качестве надстройки, а практика – базиса. Теория психологии становится *исследующей психологией*, практика – *исследуемой*. В логике данной схемы предмет психолога-исследователя оказывается не некий испытуемый (или, точнее, не некий аспект его психики), а психологическая практика как таковая (например, консультационное или психотерапевтическое взаимодействие психолога-практика и клиента). Иначе говоря, данная схема предполагает реальное (а не желаемое, воображаемое, должное и т.п.) *взаимодействие*, своего рода *встречу* в самом психологическом исследовании психолога-теоретика и психолога-практика. Важно, что при этом сохраняется специфика, своеобразие (методы, установки, язык и проч.) и того, и другого.

Возможно ли такое взаимодействие в действительности? Ответ положительный. В качестве примеров подобного взаимодействия можно привести два диссертационных исследования (см. [4, 5]).

В указанных работах психологическому исследованию подвергается не испытуемый, а сама *психологическая практика* как взаимодействие психолога-практика (психотерапевта) с пациентом-клиентом. Теоретическая психология не остается в своих пределах, она начинает взаимодействовать с психологической практикой. Параллельное сосуществование двух психологий остается в прошлом. Начинается их заинтересованное взаимодействие.

Важным условием становления новой схемы соотношения теории и практики в психологии оказывается, на наш взгляд, особое качество специалистов-психологов, в работе которых собственно и осуществляется подобная трансформация. Это каждый раз такие специалисты, которые сочетают в себе психологическую теорию и психологическую практику. Они буквально персонифицируют собой новую схему взаимодействия, одновременно представляя и академических, и

практикующих психологов. Ни к теоретической, ни к практической психологии они не могут относиться извне. Тем самым преодоление методологического схизиса теоретической и практической психологии происходит в самом психологе. Иначе говоря, интеграция (как и дезинтеграция) психологической науки (см. [7]) осуществляется не в плане знаний, парадигм или методов, а в самих людях, занимающихся психологией.

Таков важнейший гуманитарный и гуманистический смысл психологического кризиса.

* * *

Научное исследование, приводящее ко все более точному и полному пониманию психологической практики, будет иметь в качестве своего неизбежного следствия повышение эффективности работы психолога не только с индивидуальными клиентами, но и с различными по своей численности группами (начиная с малых групп – пар, семей, команд, корпораций, и заканчивая большими группами населения – этносами, классами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
2. Выготский Л.С. Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
4. Измагулова В.С. Внутренний диалог как механизм развития сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. н. М., 2006.
5. Кириллова Е.И. Интент-анализ психотерапевтической речи: Автореф. дис. ... канд. психол. н. М., 2010.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
7. Орлов А.Б. А.Н. Леонтьев – Л.С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. № 2. 2003. С. 70–85.
8. Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5–15.
9. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.
10. Ушакова Т.Н. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000.
11. Ярошевский М.Г., Гургенидзе Г.С. Послесловие // Выготский Л.С. Собр., соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 437–458.